

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

«После смерти жены Коба стал ревностным организатором убийств князей, священников, буржуа» (Иремашвили).

Но тогда же появляются слухи — странные, точнее, страшные для революционера: бесстрашный Коба, удачливый Коба, уходящий от всех преследований, на самом деле провокатор, засланный полицией в революционное движение.

Однако слухи прерывает арест Кобы.

Коба — в тюрьме. При аресте у него найдены документы — доказательства «его принадлежности к запрещенному Бакинскому комитету РСДРП». Это дает полиции основание для нового обвинения — уже с перспективой каторжных работ. Но... Бакинское жандармское управление почему-то закрывает глаза на эти документы и рекомендует всего лишь вернуть Кобу на прежнее место ссылки — в Сольвычегодск сроком на три года. После чего новое удивительное решение: Особое совещание при министре внутренних дел отправляет Кобу в ссылку только на два года!

Путь ссыльных в забытый Богом городишко Сольвычегодск шел через Вятку. В камере вятской тюрьмы Коба заболел тифом. Из камеры его перевозят в губернскую земскую больницу.

Он находился на грани смерти. Но выжил.

В Сольвычегодске он снял комнату в доме Григорова. Кро-

хотный городишко был в то время одним из центров революционной жизни: на 2000 жителей было 450 политических ссыльных. Все эти революционеры, получавшие пропитание от сославшего их государства, проводили дни в спорах о будущей революции.

В его государстве ссыльные будут жить совсем иначе...

В Сольвычегодске Коба поправился, поправился и уже в начале лета бежал. По полицейским сообщениям, побег произошел 24 июня 1909 года. И опять он не боится выбрать Кавказ!

Девять месяцев он находится на свободе. 23 марта 1910 года его арестовывают. Три месяца следствия, и вновь — поразительные обстоятельства! Помощник начальника Бакинского жандармского управления Н. Гелимбатовский пишет заключение: «Ввиду упорного его участия в деятельности революционных партий, в коих он занимал весьма видное положение, ввиду двукратного его побега... принять меру взыскания — высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет». Но заключение игнорируют. Вместо него следует благодушное решение — выслать неисправимого Кобу в тот же Сольвычегодск! Так началась третья ссылка.

29 декабря 1910 года он опять поселился в доме Григорова, но прожил там на этот раз недолго. Вряд ли ему было там плохо — иначе бы он не поселился во второй раз. Скорее, сыграло свою роль нечто другое...

10 января 1911 года Коба переселяется в дом Матрены Прокопьевны Кузаковой, молодой вдовы. Она сама описала их встречу: «Зимой 1910 года зашел ко мне мужчина средних лет и спрашивает: «Жил у вас на квартире мой друг Асатиани?»

Посетитель назвался Иосифом Виссарионовичем Джугашвили. Одет не по-зимнему — в черном осеннем пальто и фетровой шляпе. Вдова поинтересовалась: «Сколько вам лет?» — «А сколько дадите?» — «Лет сорок, пожалуй». Он рассмехался: «Мне только двадцать девять».

ЗАГАДОЧНЫЙ КУЗАКОВ

Свой дом Кузакова описала так: «Дом был тесный, дети спали прямо на полу... Детей у меня было много, иной раз расшумят-

ся, какое уж тут чтение». Так что, видимо, не условия жизни в этом доме привлекли Кобу...

В 1978 году на телевидении праздновали 70-летний юбилей одного из телевизионных начальников — Константина Степановича Кузакова. Это был сын той самой Матрены Кузаковой.

Все телевидение знало: он сын Сталина! И похож, удивительно похож. Биография Константина Степановича была крайне загадочна. Один ответственный работник телевидения рассказывал мне: «Вскоре после возвышения Иосифа Виссарионовича вдову вызвали в столицу, дали квартиру в новом правительственном доме, юный Кузаков получил высшее образование и всю жизнь занимал высокие посты, соответствующие рангу заместителя министра. Сталина он никогда не видел. В конце 40-х годов Кузаков уже работал в ЦК партии. В это время началась очередная волна репрессий. Очередь дошла до Кузакова. Его выгнали из ЦК. Казалось, дни его сочтены, но он написал заявление на имя Сталина, и Кузакова тотчас оставили в покое... В анкете Кузакова в графе рождения стоит 1908 год, а его отец, согласно той же анкете, умер в 1905 году!»

Вот так-то! Впрочем, 1908 год — всего лишь осторожная деликатность. Так же, как напечатанный в «Правде» рассказ вдовы о знакомстве со Сталиным только в 1910 году.

Конечно, Коба не мог не познакомиться с нею еще в первой ссылке — в начале 1909 года, ибо тогда у вдовы квартировал его друг, грузинский революционер Асатиани. Утрата жены была тогда особенно остра. Добрая вдова, видимо, помогла ему забыться. Вот почему, когда Коба вновь появился в Сольвычегодске, он переехал в ее шумный дом. Так что Константин Степанович, скорее всего, родился годом позже. Я видел его не раз — старея, он становился все более похож на Сталина. Он это знал и немного играл: был нетороплив, немногословен. Дочь Сталина Светлана Аллилуева пишет, что, по рассказам теток, в одной из сибирских ссылок отец жил с крестьянкой и где-то должен быть их сын... Впрочем, как и все в биографии Кобы, это тоже будет надежно запутано Сталиным.

Уже после того как я закончил книгу, в самом конце сентября 1996 года в газете «Аргументы и факты» было напечатано

интервью самого Кузакова под названием «Кузаков — сын Сталина». Предположения оказались верными: подходя к своему девяностолетию, Кузаков решился наконец открыть то, о чем молчал всю свою длинную жизнь. «Я был еще совсем маленьким, когда узнал, что я сын Сталина», — заявил он корреспонденту.

«ЧИЖИКОВ»

Ссылка Кобы закончилась, и с нею житье в шумном доме Кузаковой, где бегали многочисленные дети (как утверждали злые языки, весьма напоминавшие ее прежних ссыльных постояльцев). Не имея права выехать в столицу, Коба выбирает для жительства Вологду. Все это время Ленин помнит о верном удалом грузине, нетерпеливо зовет его. Об этом Коба пишет сам в письме, перлюстрированном полицией: «Ильич и К° зазывают в один из двух центров (т. е. в Москву и Петербург. — Э. Р.) до окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок, чтобы легально с большим размахом приняться за дело, но если нужна острая, то, конечно, снимусь».

И опять странность. Почему этот великий конспиратор так странно доверчив? Как он мог забыть, что полиция перлюстрирует письма?

Вскоре в Департамент полиции пошло сообщение: «Как можно полагать, кавказец (так полиция именует Кобу. — Э. Р.) в скором времени выедет в Петербург или в Москву для свидания с тамошними представителями организации и будет сопровождаться наблюдением... Явилось бы лучшим производством обыска и арест его нынче же в Вологде».

Но... никакого ареста! Руководство Департамента будто не слышит и никак не реагирует!

Немного спустя Ленин приказал — и тотчас Коба «снялся в Петербург». Следует новое донесение: «В 3.45 кавказец пришел на вокзал с вещами... вошел в вагон третьего класса в поезд, отходящий на Санкт-Петербург... Кавказец с означенным поездом уехал в Петербург».

И никакой попытки его задержать! Но почему?

Для побегов революционеры пользовались двумя видами документов. Первый — так называемые «липовые» — под-

дельные. Это старые просроченные паспорта, выкраденные из волостных правлений. Их обрабатывали химикатами, вписывали новые данные. И «железные» — подлинные паспорта, которые продавали местные жители, а продав, через некоторое время заявляли в полицию о пропаже.

После отъезда Кобы в делах жандармского управления появляется «Прощение жителя Вологды П.А. Чижикова о пропаже у него паспорта». Но к тому времени паспорт уже был найден: «В Петербурге в гостиничных номерах был задержан некий Чижигов, оказавшийся бежавшим с поселения И. Джугашвили».

И опять непонятное. С самого начала Коба должен был знать: побег в Петербург безнадежен. В это время в Киеве выстрелом из револьвера убит глава правительства Столыпин. Петербург наводнен полицейскими агентами. Как уцелеть с паспортом на имя Чижикова и с грузинской физиономией? Тем более что в Петербурге Коба вел себя совсем странно.

Вначале он был осторожен.

Из воспоминаний С. Аллилуева: «Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу... надеялся кого-нибудь встретить на улице. Это было безопаснее, чем искать по адресам. Под дождем он проходил весь день. Толпа на Невском редела, гасли огни реклам, и тогда он увидел Тодрию. После убийства Столыпина вся полиция была на ногах. Решили снять меблированную комнату. Швейцар вертел его паспорт недоверчиво — в нем он значился Петром Чижиковым. На следующее утро Тодрия повел его к нам».

Потом Аллилуев в окно видит шпииков, которые явно следят за квартирой. Но подозрительный Коба только шутит и настроен странно беспечно. Далее он и сопровождающий его рабочий Забелин с удивительной легкостью ускользают от наблюдения, он ночует у Забелина, после чего... возвращается в те же меблированные комнаты! И это — зная, что за ним следят!

Анна Аллилуева: «По словам самого Сталина, он был арестован по возвращении в меблированные комнаты поздно ночью, когда заснул».

Неудивительно, что его арестовывают. Удивительно другое: почему он так легкомысленно себя вел?

Вот так загадочно окончились три дня его жизни в Петербурге. До середины декабря ведется следствие. Наказание Коба вновь получает мягкое: его выслали на три года, да еще с правом выбора места жительства. Он снова выбрал Вологду.

Тут в следственном деле Джугашвили мелькнула еще одна фамилия, которой предстоит стать знаменитой: Молотов.

Молотов — партийная кличка революционера Вячеслава Скрябина. Под этой фамилией будущий министр иностранных дел СССР будет делить Европу и войдет в мировую историю.

Я просматриваю его скудный фонд в Партийном архиве. Автобиография, которую он написал в девятнадцать лет при аресте... Будущий министр тоже недоучился: в Казанском реальном училище он создал тайную революционную организацию, за что был исключен и отправлен в ссылку под надзор полиции — в тот же Сольвычегодск.

Итак, они были рядом, правда, в разное время. Судьбе угодно было отсрочить их встречу: в те дни, когда Коба покинул Сольвычегодск и бежал в Петербург, его будущий верный соратник там только появился. Причем вначале — в том же гостеприимном доме Кузаковой!

Романы молодых ссыльных... Как молоды они были, как полны надежд, тогда, на пороге второго десятилетия юного века... Их века, который принесет этим безызвестным людям власть и славу. А потом и гибель — большинству.